

УДК 821.161.1 – 2 "19" (09)

ОСВОЕНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ОБРАЗОВ В ДИЛОГИИ ПЬЕС «СОБАКА–ПАЛАДИН» И «ИСКУШЕНИЕ МАГДАЛИНЫ» МАРИИ ВИРГИНСКОЙ

Ташикина Т. Н.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aspi-catu@mail.ru*

В статье «Освоение библейских образов в дилогии пьес „Искушение Магдалины” и „Собака–Паладин”» обобщаются особенности художественной интерпретации М. Виргинской библейских образов Приснодевы, Богородицы и Марии Магдалины в дилогии одноактных пьес «Искушение Магдалины и «Собака–Паладин». Специфика этих образов определяется в произведениях стремлением автора к осмыслению в новых ракурсах извечных проблем бытия, а также опытом кризисной эпохи. Переосмысленные традиционные образы, проникая в современный контекст драмы, благодаря многоплановости своих содержательных характеристик обнаруживают чрезвычайную гибкость и емкость, адаптируются к разнообразным духовным запросам эпохи-реципиента, позволяют на уровне символов и развернутых метафор воссоздать особенности внутреннего мира и поступков человека, отстраненно рассмотреть поведенческие и аксиологические нормы реальной действительности.

Ключевые слова: драма, библейские образы, переосмысление, современный контекст.

Постановка проблемы. Относительная кратковременность социальных взглядов, чрезвычайная переменчивость идеалов в общественном сознании последней трети XX века обусловили процесс актуализации культурных универсалий в художественном сознании указанного периода. Продуктивным для многих драматургов, экспериментирующих в области создания драмы «нового типа», преодолевающей на содержательном и формальном уровне соцреалистический канон, оказалось обращение к «праосновам образности», к универсальному опыту мировидения предыдущих эпох и других культур, к «легендарно-мифологическому материалу» как своеобразному «концентрату общекультурной памяти», служившему во все времена выражением вечного, нерушимого.

«Глубинная правда» культурных символов, аккумулирующая внеэтнические, вневременные, внеисторические нравственные принципы и отражающая общие закономерности гармоничного бытия человечества, становится смыслообразующей основой многих пьес М. Виргинской. Особый интерес вызывает способ художественной интерпретации драматургом центральных женских персонажей Библии – Марии Приснодевы, Богородицы и Марии Магдалины, – создававших вокруг себя широкие ассоциативные поля в любых контекстах.

Цель статьи – изложение некоторых результатов исследования своеобразия художественной интерпретации М. Виргинской центральных женских образов Библии в одноактных пьесах «Искушение Магдалины» и «Собака–Паладин».

В контексте драматических обстоятельств жизни общества, с учетом острых социальных коллизий XX века, обращение писателей к библейским максимам воспринимается, по мысли А. И. Антофийчука, как логическая, в определенном

смысле «абсолютная» закономерность [1]. Е. Е. Бондарева отмечает, что для драматургов конца XX – начала XXI веков Священное Писание «становится комплексным рефлексогенным культурным текстом», выполняет функции «концентрации продуктивных сюжетов, смыслообразовательных образов, ассоциативных полей, переменных ”знаков“» [2, с. 296] (перевод с украинского наш. – Т. Т.).

М. Виргинскую, ориентирующуюся на современного, всесторонне информированного и скептически воспринимающего действительность реципиента, на его интеллектуальный опыт, не устраивает осмысление библейских образов в строгом соответствии, по определению Е. Е. Бондаревой, «концептам канонической евангельской топики». Автор ищет нестандартные способы освоения библейского материала. Убедиться в этом позволяют пьесы «Евангелие», «Искушение Магдалины», «Собака-Паладин», в которых находят выражение нравственно-ценностные предпочтения драматурга, его философские размышления. Библейские максимы получают здесь своеобразную интерпретацию благодаря расстановке новых акцентов. Общая библейская тематика, небольшой объем, максимальная сконцентрированность достаточно специфического – интеллектуального – действия одноактных пьес «Искушение Магдалины» и «Собака-Паладин» дают основания считать их дилогией.

Выбирая действующими лицами Марию Магдалину («Искушение Магдалины») и Марию Приснодеву, Богородицу («Собака-Паладин»), М. Виргинская оформляет сюжет как острый диспут, во время которого обсуждение философских идей трансформируется в драматическое событие. В пьесах доминирует не изображение жизни, а ее осмысление, находят выражение сложные мысли, требующие соответствующего уровня восприятия читателя. Рассмотрение социальных конфликтов драматург переносит в плоскость истолкования свободы этического выбора и ответственности человека перед обществом.

Традиционных характеристик канонизированных христианских образов М. Виргинская не меняет, практически полностью реализует их содержательное трансисторическое и транскультурное значение. Вместе с тем ею используются дополнительные семантические элементы, непосредственно связанные с основным значением образа (смысловые коннотации), существенно индивидуализируются характеры. Каждая из героинь дилогии далека от канонизированной схематической фигуры, олицетворяет «вечную женственность», органично сочетающуюся с интеллектуальностью, способностью аналитически мыслить и убедительно аргументировать свои взгляды, вести полемические дискуссии по целому спектру общечеловеческих проблем, среди которых Вера, Идеал, Абсолют, Бог, Человек.

Обращаясь в «Искушении Магдалины» к едва ли не самому парадоксальному персонажу христианской мифологии – Марии Магдалине, – интерес к образу которой не угасает в течение тысячелетий, автор размышляет над важнейшими вопросами человеческого бытия. Магдалина М. Виргинской становится многозначным символом, связывающим два мира – вечный и современный. Потенциал архетипного образа, трансформированного драматургом, получает

новые измерения, позволяет воспринять вечные ценности с точки зрения современной жизни.

Свою версию библейского персонажа М. Виргинская создает при помощи контаминации смысловых элементов разных традиций, которые относительно легко угадываются реципиентом, вызывая определенные ассоциации. Представление о характере Магдалины в произведении складывается постепенно, из вступающих во взаимодействие фрагментов, из переплетения мотивов – библейских (греховность Магдалины в жизни «до Христа»), дальнейшая верность и преданность в служении идеям Спасителя), апокрифических (стремление найти свой внутренний мир, владение Магдалины «спасительным знанием», которое помогло противостоять злым космогоническим силам) и литературных (способность Магдалины воздействовать на творческий процесс скульптора, сцена избития ее толпой). Так автор существенно расширяет границы образа.

Ключевые моменты служения Магдалины отсутствуют в пьесе, но читатель узнает о них из диалогов, характеризующих героиню как человека, стремящегося создать (как во многих пьесах М. Виргинской) собственный мир, влияние на который оказывают идеалы христианской религии, человека, способного самостоятельно принимать судьбоносные решения в соответствии со своими духовными приоритетами.

Драматург ставит героиню перед серьезными аксиологическими вопросами, коллизия смещается в плоскость индивидуального сознания, что находит выражение во внутреннем психологическом конфликте. Система ценностей Марии Магдалины основывается на гуманистических началах и представлена такими чертами, как альтруизм, готовность к самопожертвованию, способность противостоять искушению властью, богатством, славой. Индивидуальное пространство Магдалины четко очерчивается в полемической дискуссии с Демонами, отождествленными в пьесе с абстрактными злыми силами, противостоящими человечеству. Темы дискуссии – Человек и его стремления, Истина, Дух, Душа, Бог.

В ходе дискуссии о сущности человека Демоны утверждают, что люди – *«бешеная свора», «им нужны внятные ответы: о справедливости на земле, куске пашни, краюхе хлеба», «их интересует вкус райского яблока и место за столом у Спасителя. Они ничем не отличаются от животных, тот же набор инстинктов, не более»* [3, с. 15].

Отказ от предложения Демонов уйти туда, где есть покой, достаток, возможность оказывать влияние на окружающих, Магдалина объясняет любовью к человеку, который не по своей вине одинок даже в толпе. Именно поэтому женщина говорит о необходимости передать каждому свое спасительное знание о Душе человеческой, открытое, согласно тексту апокрифического Евангелия Марии Магдалины, самим Христом. Магдалина убеждена, что Бог – не кумир, не идол, к которому может обратиться человек лишь в трудные моменты с просьбой о помощи; Бог – не человек будущего, не эталон, *«не чиновник, не уборщица, не надсмотрщик! Бог – это и есть мы, люди, кто больше, кто меньше»,* это *«часть вечного света. Он высветил нас, и мы, наконец, увидели свои тени. В себе и там, куда они от нас простираются»* [3, с. 15].

Автор одновременно и очеловечивает образ Марии Магдалины, и значительно расширяет диапазон присущих ему вечных женских качеств. В эпизоде, который

показывает взаимоотношения героини с Греком Филаретом, М. Виргинская обращает внимание на то, что лишь «греховная» Магдалина была способна вдохновить талантливого скульптора на творчество. Демон, который под видом Грека Филарета обращается к Магдалине с просьбой вернуть ему вдохновение, получает от женщины ответ, проясняющий ее отношение к общечеловеческой философской мысли о сущности настоящего, не зависящего от переменчивых идеалов искусства:

МАГДАЛИНА. Ты не обидишься, если я скажу правду? Твои богини, они были... мертвые. Начни все заново, Филарет, открой в себе душу... Любая форма, даже самая совершенная, ничто, если нет в ней света, высшего смысла [3, с. 4].

Финал пьесы вносит дополнительные акценты в интерпретацию традиционного образа, обнажает парадоксальность художественного мышления М. Виргинской: даже богоизбранная героиня, более всего ценившая человека, оказывается не способной противостоять разъяренной толпе, в виде которой испытать Магдалину является Демон Гнева. В хлесткой характеристике, которую дает героиня толпе, не в состоянии остановить людей и посылая им проклятия, угадываются общие черты современного, унифицированного в своей бездуховности, разуверившегося во всем общества, зараженного цинизмом и жестокостью: *«Вы не слышали? Бог вошел в меня и каждой клеточкой своего существования я излучаю Его вам навстречу... Нет, это не я безумна – это вы слепы и глухи! Вы состоите из шума и цветных пятен, из пустых желудков и натянутых нервов! ... Демон Гнева стоит между нами, и вы кормите его, чтобы и дальше он вел вас друг на друга и против самих себя! ... Мне больно! Неужели и боль моя не передается вам, люди?! ... Вам весело! Вы себе кажетесь такими сильными, правыми! Перестаньте!! Не меня, не меня вы убиваете – себя, своих детей, внуков!.. Боже, останови их! они омерзительны! ... Сукины дети! Убийцы! Да чтоб вас всех распяли на Аппиевой дороге! (падает)»* [3, с. 16]. Как видим, расширяя архетипный образ Магдалины, М. Виргинская адаптирует его к современному контексту.

В пьесе «Собака–Паладин» нестандартность подхода к традиции становится очевидной уже в исходной ситуации, представленной в краткой ремарке: *«Мария одиноко сидит на склоне, **смотрит в небо**. Подкрадывается Иоанн, **бросает ей на колени букетик цветов**»* [4, с. 1] (выделено мной. – Т. Т.). Многозначность этой символической ремарки раскрывается по ходу действия. Постепенно по отдельным «знаковым» деталям (Мария – дочка немолодых и продолжительное время бездетных Иоахима и Анны, невеста старого Иосифа, сознательно выбирает путь Приснодевства) в этой, на первый взгляд, обычной одинокой женщине, обратившей взгляд к небу, узнается будущая мать того, *«имя которому Свет»*, который ценой своей мученической Смерти, последующей за Его Жизнью, *«то законам иным, чем те, что исповедуются сегодня»* [4, с. 8], будет искупать грехи человечества. Эта постепенность узнавания Приснодевы и Богородицы в Марии, на коленях которой неожиданно появляется букетик цветов, создает напряженные содержательные отношения между текстом и его восприятием, позволяет отойти от традиции изображения образа Скорбящей Матери, «через который, с одной стороны,

передаются страдания Божьей Матери, а с другой – трагизм земных матерей всех времен» [1, с. 23] (перевод с украинского наш. – Т. Т.), не исчерпывающей всего энергетического потенциала самой почитаемой женщины в христианской религии. Приснодева М. Виргинской иная, художественная интерпретация образа Богородицы в пьесе и глубоко традиционная, и индивидуально-авторская одновременно. Мария становится проповедницей такой любви, которая направляет человека к духовному совершенствованию, побуждает к борьбе с порочными представлениями о господствующих в обществе социально-культурных ценностях.

Многоплановая универсальность образа позволила драматургу смоделировать то обстоятельство жизни Богородицы, которого нет в ни одном из первоисточников: предложение от влюбленного в нее, способного сделать счастливой в «земной» жизни Иоанна Севера (в недавнем прошлом безжалостного и жестокого легионера) о замужестве. Воссоздавая такое исключительно «человеческое» жизненное событие, драматург приближает сакральный библейский образ Марии к реальной действительности, очеловечивает его, соотносит с ситуациями жизни обычных людей. Вместе с тем, сохранение высокого смысла традиционного образа позволяет дистанцировать его, вывести на более высокий, чем осмысление злободневных вопросов, уровень. В пьесе тесно переплетаются абстрактное и конкретное, божественное и человеческое, небесное и земное. Этот неожиданный подход в известной степени отдаляет Марию от протосюжетов, делает современную нравственно-психологическую мотивацию семантически подвижной, позволяет заинтриговать читателя, актуализировать целый ряд аспектов, созвучных духовным запросам воспринимающей эпохи, опыт которой допускает новое прочтение протообраза, дает возможность найти ранее не осознаваемые смыслы.

Известные из библейских первоисточников универсальные черты характера Приснодевы и Богородицы становятся основой матрицы характера героини «Собаки–Паладина», но лишь ими драматург не ограничивается. Традиционный зримый образ Богородицы, в котором находят выражение такие безупречные духовные качества, как доброта, мудрость, милосердие, сочувствие, терпимость, смирение, великодушие, преданность, отсутствие зависти, божественное спокойствие, дополняются М. Виргинской новыми качествами (владение духовным знанием о человеке и его бытии, добровольный уход из мира человеческих грехов, отказ от земных привязанностей, эмоциональное восприятие социальной несправедливости, рассудительность, способность убеждать, влиять на поведение и мышление людей). Свою предстоящую жертву героиня М. Виргинской воспринимает не только как неизбежную, но и как обязательную, необходимую для спасения человечества.

Диалог между Марией и Иоанном Севером выстраивается в форме диспута-поединка, который в четкой аргументации, логической последовательности стремительно разворачивается по восходящей линии. Она может быть представлена следующей схемой: смысл Приснодевства Марии, ее отказа от личного счастья —> осознанность необходимости и высшей целесообразности предстоящей жертвы —> нравственно-этические требования к человечеству в целом и каждому человеку в отдельности. В дискуссии получают осмысление законы, которые *«исповедаются сегодня»*, отражается борьба полярных систем мировоззрения, принципиальные

отличия в понимании персонажами понятий «благо», «человек», «свет», «тьма», «жизнь», «смерть», «страдание», «духовная близость», «плотское наслаждение», «Вера» (которая *«не нуждается в доказательствах»*, потому что *«выше сомнений»*) как Абсолют, как Идея, как главная максима человеческой жизни. Важнейшим из этих понятий, исходя из контекста произведения, становится Любовь. Своеобразие дискуссионных акцентов, не присущих соцреалистической драме, обнаруживает оригинальность позиции драматурга.

Утверждая примат духовного над материальным, главная героиня (Приснодева и Богородица Мария) обращает внимание своего собеседника (в недавнем прошлом жестокого легионера Иоанна Севера) на то, что плотская любовь не может называться любовью, так как с настоящей любовью к ближним она не имеет ничего общего: *«От плоти – желанья, а любят все-таки душой»* [4, с. 2]. Плотская любовь стремится дать любимому земное благополучие, ей чуждо постоянство, она может разгореться слишком сильно, способна на безрассудные поступки, даже преступления, но часто переходит в отвращение, ненависть. Духовная любовь преисполнена света, простоты, веры в ближних, в ней отсутствует подозрительность, ревность, ее неперемennые свойства – постоянство, мудрая рассудительность.

Диалог Марии и Иоанна, который от просьб, мольбы переходит к угрозам и шантажу, раскрывает антиномию духовного и плотского, определяющую суть художественной картины мира произведения – результата этических поисков драматурга. По мнению автора, духовная любовь является необходимым условием целостности и внутренней свободы человека. Бездуховность же подчиняет внутреннюю свободу болезненным терзаниям плотской любви, ведет к трагедии личности.

Отдельная содержательная линия пьесы связана с проблемой предназначения человека. Север нравится себе таким, каков он есть: *«Я люблю свою плоть», «Никогда не стану аскетом! Мне это претит! Я... горжусь тем, что я такой же, как все! Такая же тварь, как все человечество! Я хочу быть со всеми, а не против всех и самого себя»* [4, с. 6]. Легионер считает, что быть человеком – значит иметь естественные, земные желанья, которые должны быть и у самой Марии. Женщина же отвечает вопросом: *«Кто больше человек? Богач, у бедной женицины забравший последнюю овцу за долги, или странник, что пожалел женицину и уплатил ее долг? Пьяный рыбак, избивавший в корчме худенького мальчишку – просто так, из удовольствия бить! – или дряхлый старик, что не убоился заступиться за мальчика? Кто больше человек?»* [4, с. 3].

Мария считает, что каждый должен всмотреться в себя, прийти *«к себе»*. Героиня манифестирует свой мир, в котором не может быть места неоправданной жестокости, убийству, эгоистическим стремлениям, мир, наполненный милосердием, любовью, лишенной собственнических инстинктов.

С точки зрения общечеловеческой этики пространные рассуждения изображаемой М. Виргинской Приснодевы и Богородицы не является чем-то новым. Общеизвестное содержание того, что она исповедует, отражает высокие этические принципы, гуманистические идеалы человечества. Однако изменение ракурса художественного

изображения, экспериментальная исходная ситуация произведения, его необычный контекст позволяют воспринять все, что утверждает Мария, в других измерениях, в которых суждения *«следует одержать победу над собой»*, человек не может быть счастливым, пока будет *«стремиться получить, а не отдавать»*, приобретают обновленный смысл.

В пьесе практически отсутствуют перипетии внешнего действия, но ей присуща предельная интенсивность действия интеллектуального. В напряженном диалоге сталкиваются не только характеры женщины и мужчины, который хочет стать для любимой мужем, – происходит столкновение мыслей, взглядов, жизненных позиций. Абстрактные идеи доверяются автором тем персонажам, для которых содержание этих идей является не только непосредственным проявлением их индивидуальности, но и частью личной жизни. Так драматургом осуществляется персонификация разных способов отношения к миру, конструирование модели возможного мироустройства, художественное постижение концептуальной мысли о поиске источников гармонии.

Значительность общекультурного содержания известного образа в пьесе позволяет считать его (образ) отдельным структурным элементом, влияющим на формирование конфликта, хронотопа, в котором категория Вечности занимает особое место. Форма выражения основного смысла, интерпретация гуманистического содержания Приснодевства Марии, ее спокойной и мужественной готовности к осознанной жертве ради спасения человечества служит своеобразной нравственной альтернативой античеловеческой, лишенной духовных начал идеологии. Поведение Марии побуждает Иоанна к принятию собственного решения. Его самоубийство в парадоксальном финале произведения внешне завершает пьесу, но основная проблема остается открытой.

Одноактные пьесы *«Искушение Магдалины»* и *«Собака–Паладин»* убеждают в нестандартности подходов М. Виргинской к освоению библейского материала. За счет усиления ею психологического подтекста, активизации интеллектуальных плоскостей диалогов оживают притчевые схемы, утверждается аксиологическая самостоятельность характеров персонажей, основными признаками которых являются духовная независимость, целостный внутренний мир, базированный на гуманистических идеалах и ценностях. Идеи любви и милосердия – мощный фундамент этических позиций обеих героинь – являются основополагающими не только для христианского учения, но и для того нового мира, к формированию которого стремится драматург. Активизация в диалогии этих идей позволяет ощутить тоску М. Виргинской по духовной гармонии, практически отсутствующей в современном мире. Между этой утонченной игрой аналитического ума писательницы и проблемами этики, на которых она акцентирует внимание, устанавливается сбалансированное художественное равновесие.

Выводы. М. Виргинская адаптирует культурный опыт человечества к запросам современного общества, создает модели универсального характера, акцентирует «вечную» актуальность целого спектра нравственных вопросов. Ее произведения способствуют формированию новейших этико-эстетических парадигм. Разработка архетипных образов позволяет художественному миру драматурга обрести символическую условность, в которой соединяются два мира – «вечный» и современный.

Список литературы

1. Антофійчук В. І. Євангельські образи в українській літературі ХХ століття : [монографія] / В. Антофійчук. – Чернівці : Рута, 2000. – 335 с.
2. Бондарева О. Є. Міф і драма у новітньому літературному контексті: поновлення структурного зв'язку через жанрове моделювання / Олена Євгенівна Бондарева. – Київ: Видавництво «Четверта хвиля», 2006. – 510 с. 510.
3. Виргинская М. В. Искушение Магдалины : [пьеса] / Мария Виргинская. – Архив М. В. Виргинской. – 17 с. – (Первоисточник, рукопись).
4. Виргинская М. В. Собака–Паладин : [пьеса] / Мария Виргинская. – Архив М. В. Виргинской. – 14 с. – (Первоисточник, рукопись).

Ташкінова Т. М. Освоєння біблійних образів в діалогії п'єс «Спокуса Магдалини» і «Собака-Паладин» / Т. М. Ташкінова // Учені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2014. – Т. 27(66), № 4. – С. 169–177.

У статті «Освоєння біблійних образів в діалогії п'єс "Спокуса Магдалини" і "Собака-Паладин"» узагальнюються особливості художньої інтерпретації М. Виргинською біблійних образів Пріснодів, Богородиці й Марії Магдалини в діалогії одноактних п'єс "Спокуса Магдалини" і "Собака-Паладин". Специфіка цих образів визначається в творах прагненням автора до осмислення в нових ракурсах одвічних проблем буття, а також досвідом кризової епохи. Переосмислені традиційні образи, проникаючи в сучасний контекст драми, завдяки багатоплановості своїх змістовних характеристик виявляють надзвичайну гнучкість і місткість, адаптуються до різноманітних духовних запитів епохи-реципієнта, дозволяють на рівні символів і розгорнутих метафор відтворити особливості внутрішнього світу і вчинків людини, відсторонено розглянути поведінкові і аксіологічні норми реальної дійсності.

Ключові слова: драма, біблійні образи, переосмислення, сучасний контекст.

Tashkinova T. N. Development of Bible Characters in two related plays “Magdalene Temptation” and “The Dog – Paladin” / T. N. Tashkinova // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – V. 27(66), № 4. – P. 169–177.

Peculiarities of artistic interpretation of the Everlasting Virgin Mary, the Virgin and Maria Magdalena characters, made by Maria Virginskaya in two one-act related plays “Magdalene Temptation” and “The Dog - Paladin” are generalized in the article «Development of Bible Characters in two related plays “Magdalene Temptation” and “The Dog – Paladin”». The artistic specificity in the plays is defined with the author's striving to comprehension of universal problems of existence in different aspects, and with the experience of the crisis epoch.

The dramatist does not change traditional characteristics of canonized characters, and in practice totally implements their meaningful trans-historic and trans-cultural importance. The author also uses additional semantic elements, directly related with basic meaning (semantic connotations); characters are significantly individualized. Each of female characters of two related plays is distant from canonized schematic image, embodies “universal femininity,” organically combined with intellectuality, ability to think analytically and convincingly reason their views, to hold polemic discussions on the whole range of universal human problems, including such ones: the Faith, the Ideal, the Absolute, the God, the Man.

Reconsidered traditional characters of the Everlasting Virgin Mary, the Virgin and Maria Magdalena, getting into modern drama context, due to versatile contextual characteristics display utmost flexibility and capacity, adapt to various spiritual demands of the epoch-recipient, allow to recreate peculiarities of man's inner world and deeds at the level of symbols and expanded metaphors, to consider from aside behavioral and axiological norms of existing reality.

Keywords: drama, Bible characters, reconsideration, modern context.

Стаття надійшла до редакції 30 жовтня 2014 року